Полный Кобзон

Священная корова

АНТОН БУБЛИКОВ, кобзарь

Иосиф Давыдович Кобзон отмечает свое пятидесятидевятилетие. Он считает, что человек не имеет права игнорировать день своего рождения — главный праздник. Поэтому подготовка к шестидесятилетию Иосифа Давыдовича начнется непосредственно после пятидесятидевятилетия. Он выпустит пятнадцать своих компакт-дисков (двести лучших песен), даст обширное гастрольное турне и закончит юбилейные мероприятия торжественным уходом со сцены. Обычно Кобзон на таких вечерах поет столько же песен, сколько лет ему исполняется. «Как не остановить бегущего бизона, так не остановить поющего Кобзона», — шутил Александр Иванов.

Герой наш принадлежит к тому монументальному сообществу Творцов, которые и есть наша страна. Это они ее сделали такой — до боли известной нам. Казалось, что все эти Творцы безвозвратно канут в бурных волнениях последних лет. Или завиляют задом, заголосят в унисон общественным стихиям... Нашлись, конечно, и такие, но в лице Иосифа мы можем узреть истинных творцов жизни. Такие не будут приспосабливаться к стихиям. Они и так не тонут. Именно они и будут творить из нас Великую Родину и Великий Народ — в очередной раз.

Всмотритесь в его умеренно живое лицо: тут же вспомнится вереница похожих физиономий. Брыластая значительность, полное отсутствие мысли при уверенном знании всего. Глаза обращены внутрь, в глубины желудка, где непереваренной тяжестью лежит вечная любовь к Родине. В мире, в котором живут такие люди, задачи преодолеваются, вопросы прорабатываются, с трудностями разбираются путем «разборки». Самая же яркая черта личности Кобзона — неспособность осознать себя в единстве собственных взаимоисключающих проявлений. Тут и радостное ощущение принадлежности к великой России, и счастье кровной причастности к деяниям великого народа (можно — советского, можно — еврейского), и гордость личной дружбы с мужественными, решительными людьми (генералами, бандитами, чекистами, политиками, спортсменами)... И искренняя озабоченность тяжкой долей большинства соотечественников... и умение использовать в личных целях причастность и дружбу... и желание помочь всем обездоленным... и уверенность в том, что с «плохими» людьми надо расправляться жестоко и решительно... Кобзон утверждает, что благо страны зависит от законности и законопослушности, и он же дает понять, что это благо может держаться на крепком содружестве крепких политиков и крепких уголовных «авторитетов», то есть всех крепких вообще. И рядом со всем этим — комсомольско-революционная ностальгия. Все это — искренне. И с добротой к людям — при первой же возможности. Только к «хорошим» людям.

Оставим на время великий песенный дар, которым в наказание всем нам наградили высшие силы Иосифа Давыдовича. Его оральные способности предоставляют ему дополнительную возможность творить добро. Остановимся на его оголтелой искренности и правоте. На первый взгляд в наличии у нашего героя разных граней нет ничего удивительного. В творческих людях часто уживаются взаимоисключающие стремления. Но нормальному индивидууму свойственны хоть какие-то попытки эти противоречия примирить, разобраться в себе... В случае с Кобзоном все обстоит иначе: каждое из проявлений Кобзона — отдельный Кобзон. Это матрешечное многообразие хоть кого в тупик поставит. Никаких выяснений, никаких разногласий внутри этого сумасшедшего дома! Поэтому и нет у Иосифа Давыдовича никаких преград в ощущении собственного величия.

...Представьте Иосифа Давыдовича лет двадцать назад. Вот он самозабвенно шурует по барахолкам Восточной Европы: вчера вечером выплескивал в зал потоки самой восторженной нежности по поводу какой-нибудь комсомольской юности, а сегодня надо все успеть быстренько и без ошибок. Просчитать возможности реализации товара дома (ах, милый дом, — «вот снова этот двор»). И все это в темпе, потому что вечером опять пускать слезу. Все это с абсолютной искренностью: никаким витринам всех европ ни на секунду не удастся поколебать гранитную гордость нашего героя за свою Родину. В бездуховные заграницы других нельзя было выпускать. А Кобзона — можно.

Вот заявляется наш герой к своему другу (брату, братану — короче, к СВОЕМУ). Заявляется с грандиозным и очевидным в своей пользе проектом. Культуре помочь надо? Спортсменам разным, детям там, инвалидам, ветеранам — в общем, понятно? Значит, делаем так: я туда-обратно вожу всякую всячину, зарабатываю деньги, а ты делаешь мне льготы и освобождения от налогов, пошлин, прочего оброка... Полученная выгода — в помощь спортсменам там, детям... Кому от этого плохо?

Действительно: кому плохо? Представим невероятное: другбратан в ответ заверещал что-то о законе, о выплате налогов, о чести чиновника... И что? Не будет Иосиф Давыдович всего этого ввозить — не будет у государства навара в тех самых налогах и пошлинах. Это ж надо совсем Родину не любить, чтобы ему воспрепятствовать! И уж вовсе несложно объяснить братьям в МВД, почему необходимо предоставить свободу перемещения братану Япончику (или Тайваньчику? или Курильчику? — да мало ли хороших людей!). Ведь у друга в генеральских погонах тоже, небось, пропали немалые деньги в какой-нибудь «Чаре». Это разве правильно, чтобы закон торжествовал, а деньги пропадали? И разве закону лучше, когда у хороших людей пропадают деньги, которые могли бы пойти на хорошие дела?

Иосифа Давыдовича ценят даже в самых отдаленных местах, не говоря уже про не столь отдаленные. Потому что во всех его проектах (сеть прекрасных аптек для нашего больного народа; прекрасные МИГи для нуждающейся Малайзии; армейские за-

Собеседник. — 1996 — №39. — С.18

фото Сергея Снегурова

лиганить или оскорбить кого-то там, где есть он.

— Я действительно был знаком со знаменитым вором в законе Япончиком, скажу честно, с ним было интересно. По своему интеллекту он превышает многих известных людей. И кто знает, если бы его не преследовали, он вполне мог бы быстрее разобраться с чеченцами, чем это делают власти.

— Вокруг моего имени очень много домыслов. Я и сам порой теряюсь: на днях пришли представители какой-то группировки и сообщили, что они вошли своей долей в одно из московских казино. Нам-де сказали, что его держит Кобзон... Да я даже не знаю, где находится это чертово казино! Я все время где-то в доле — в доле на казино, на нефть, металл...

— «Авторитеты» преступного мира — не те люди, которые убивают и грабят на улицах. Они работают в бизнесе, охраняют бизнесменов и получают свои деньги.

— Я принадлежу к движению «Мое Отечество». Это движение, которое было создано после дня комсомола 29 октября прошлого года. В него входит молодежь. И какая мне разница, как будет называться организация, которая делает добро? Ведь комсомол ничем себя не опозорил перед своим обществом, перед народом и страной.

— Я не скрываю, что общаюсь с нашими партнерами, которые с бизнесменами-обманщиками выясняют отношения на своем языке. И слава Богу! На сегодняшний день другой системы нет.

— Судиться с газетами, которые публикуют миллионным тиражом ложь? Да не хочу я уже ни с кем судиться! Пусть подохнут. (Видимо, Иосиф Давыдович никак не оправится от тяжбы с Ларисой Кислинской, которая осмеливалась утверждать, что он связан с мафией. Сейчас-то он, как видим, признает это открытым текстом: на волне государственной ностальгии по застою главный символ застоя имеет право дружить хоть с чертом. Кобзону сегодня можно больше, чем вчера. — *Авт.*).

— Меня всегда неправда задевала, в последнее же время, как вы поняли, я стал на все вдвойне болезненно реагировать.

— Некоторое время назад я слушал по телевидению рассуждения депутата Сергея Калашникова, который говорил о необходимости тщательной проверки источников финансирования предвыборной кампании. Мол, нувориши и уголовные элементы лезут в Думу, надо на их пути поставить заслон... Это ведь счастье, что в Думу стремятся попасть независимые и состоятельные люди.

— Я потому и иду в Думу, что чувствую себя гражданином России, знаю, что мое Отечество — здесь.

...Проще всего, конечно, было бы сказать, что главное для Иосифа Давыдовича — стремление к власти и богатству, а все остальное — дымовая завеса. О, это был бы счастливый для нас вариант! Иосиф Давыдович попросту не способен осознать свои противоречия. Как и вся его братия, не ведающая, что творит, в слепой уверенности, что творит добро.

Мы недавно услышали, как все эти, в прежние времена допущенные к властителям жизни, певшие им в банях или смешившие их в застолье, — с какими хаханьками поведали они нам об этих интимных мероприятиях! Нам казалось, что они бичуют тупость и цинизм прежних властителей. На самом деле они расписываются в собственном цинизме.

Откроем очень простой ларчик кобзоновского успеха. Мало родиться с дефектами сознания — надо еще стать своим среди других дефективных. Иосиф Давыдович наделен поистине волшебным даром, позволяющим ему открывать любые двери, проникать во все кабинеты и сердца. У каждого человека есть важные минуты единения со своей же мятущейся душой, со своим ближним, с Богом, со всем миром... Одному — это очищающая исповедь, другому — танец в кругу собратьев, кому-то — субботняя семейная молитва... Нашему человеку — это застольная песня. Когда ублажены тело и желудок, хочется чего-то такого... важного... Не бани с девками, не пьянки, не оргии (это тоже надо, но — в свое время). Общая песня — вот что очищает жизнь, испоганенную разными тварями, вот что наводит порядок и гармонию, согласие с миром... Давайте споем! Братан, начинай вот эту!

Выступая на правительственных концертах и вечерах ко дню рождения советской милиции, на приемах «для своих», для гласных и негласных хозяев жизни, Кобзон сделал себе имя. Его имидж, а главное — его убеждения вполне отвечали как блатному, истеричному патриотизму уголовников (впоследствии новых русских), так и столь же фальшивому гуманизму властей. Под Кобзона пускали слезу и те, и другие. И напрасно мы думаем, что власть криминализовалась в последние годы: она всегда сквозь пальцы смотрела на крупных воров, ибо крупные воры помогали поддерживать здесь Порядок. Тот самый, о котором здесь и сейчас говорится так много. Блатные всегда были бальшими патриотами.

Сын Кобзона Андрей недавно женился на манекенщице. Свадебное торжество было отгрохано с такой помпой, что все приглашенные получили косвенное представление об истинных финансовых возможностях Кобзона: столько не напоешь. Кобзон-младший, тоже бизнесмен, получил неплохой стартовый капитал. Кобзон-старший возглавляет несколько фондов, активно занимается бизнесом, имеет офис в одном из высотных зданий на Новом Арбате... Добиться всего этого исключительно пением тоже затруднительно. В московской артистической и не только артистической среде уже лет тридцать ходят слухи о том, что Кобзон может все. Достаточно его звонка — и все делается само собой. Это вообще очень символично — что символ советского патриотизма оказался своим в среде уголовной, в принципе антикоммунистической. Дело в том, что пресловутая верность блатному закону в среде особо крупных «авторитетов» прокламировалась так же надрывно, как верность Родине — в кругу партийных бонз. Но и там, и там отступали от любого закона, когда речь заходила о шкуре. Кобзон всегда соответствовал бандитски-сентиментальному, слащаво-сусальному надрыву: мужество, дружба, порядок, верность, Отечество! Весь набор. (У «низового», псевдофольклорного культурного слоя есть свой Кобзон — Александр Розенбаум, близкий друг Иосифа Давыдовича и Отари Витальевича, в прошлом певец гопстопов, тогда же полюбленный нынешними гоп-стопщиками, а сегодня довольно активный бизнесмен. Розенбаум тоже любит иногда погордиться и своей советскостью, и даже своим еврейством, но в его еврействе что-то уж подозрительно много от «Литтл Одессы». Беня Крик ужаснулся бы разнообразным моням брайтонским, и прежде всего их тупости и дурновкусию.)

И в блатной, и в партийной идеологии частный человек ничего не значит — есть Идея, во имя которой надо всех изничтожать. Самим втихую можно от этой Идеи отступать, чтобы тем сытнее кормиться. А идеология патриотов и блатных зачастую совпадала до такой степени, что все комплименты, которые Кобзон сказал в адрес Отари Квантришвили, могли бы прозвучать в некрологе любому государственному деятелю крупнейшего ранга: заботился о Родине... о бедных... об искусстве... был верным другом... всегда помогал!..

Если бы Ленин не пошел в революцию, он мог бы прибрать к рукам всю уголовную Россию и стать всероссийским крестным отцом.

Впрочем, какое мне дело до кобзоновской мафиозности или немафиозности? Мне просто очень уж тошно видеть кондовую советскую пошлость, убежденную в том, что она и есть добро, смысл, свет, искусство... Мне очень уж невыносима двойная (тройная, десятерная) мораль во всех ее вариантах. Воротит от патриотизма образца семидесятых и брыластой государственности с ее пахучей теплотой.